

Новые Известия - 2001 - 7 марта - с. 7.

Андрюша всея Руси

Кажется, что его нет с нами уже очень давно.

А ведь сегодня Андрею Миронову было бы лишь шестьдесят...

Лунный мальчик

Кому дано познать природу совершенства — его бедную, сиротскую, несовершенную природу?.. Андрей Миронов, отлитый природой, как пуля, — ни убавить ни прибавить — обыкновенное чудо нашего театра и кино, объект восторженной романтизации девятости процентов граждан Советского Союза от семи до семидесяти включительно (школьники, обожавшие Миронова, выросли, выходили замуж и давали первенца ласковым именам Андрюша, а им на смену уже подтягивалась свежая поросль фанатичных «миронистов»), так вот, этот человек был живым собранием противоречий и состоял сплошь из несостыковок — иногда комичных, иногда трагических.

Он родился седьмого марта, но веселые родители притянули дату появления сына на свет к популярному празднику: мол, вот вам, товарищи женщины, лучший подарок всех времен и народов. Положение обязывало — пришлось соответствовать...

Андрею следовало бы, конечно, носить фамилию отца, да он и был записан в метрике Менакером — до момента поступления в школу. Сорок восьмой год не располагал хвастаться еврейскими корнями. Так — прямо скажем, не от большой радости — возникло праздничное словосочетание «Андрей Миронов».

Его дед с отцовской стороны, Семен Исаакович, владел домом на Большом проспекте в Петербурге, а Андрей, как рассказывала мне Мария Владимировна Миронова (к чему искать иные источники?), всю жизнь боялся «остаться с голым задом на снегу». Однажды и остался, когда вследствие скоропалительного брака потерял только что отстроенную кооперативную квартиру на Герцена. Нормальное совковое существование, но именно Андрею почему-то ужасно не шло все «нормальное» и совковое.

Никогда не грешил пошлостью, но при этом работал в одном из самых пошлых — и тогда, и теперь — московских театров...

Обладал огромным драматическим талантом и просто не успел его реализовать — спрос на «Бабочку крыльщиками...» оказался выше. Впрочем, «Бабочкой...» тоже владел превосходно...

Как некий херувим, он несколько занес нам песен райских, и с тех пор в этой стране без них не обходится ни один праздник, однако сам херувим несмотря на показную легкость всю жизнь боролся с лишним весом...

Людам приносит праздник, себе доставлял боль — проклятый фурункулез (Миронов и фурункулез — вроде бы две вещи несовместные) — не только требовал изводить пудры грима, порой даже мешал двигаться...

Говорят, народ любит Миронова по-прежнему, тем не менее год назад с могилы на Ваганькове украсили бронзовую ограду. Цветные металлы все-таки любимы нежнее...

Кстати, и по поводу женщин: ни про одну из его вдов — официальных или волонтерок — нельзя сказать: она была достойна Миронова, а она наверняка состоялась с ней как мужчина. Не везло, что поделаешь. И когда появилась первая посвященная Андрею полноценная книга (не просто сборник воспоминаний), вокруг нее разгорелся гадкий, гнусный, свинский скандал. То есть, скорее всего, будистка и фантазерка Татьяна Егорова написала чистую правду. Свою правду. Мы видим любимых не такими, какие они есть, а такими, каковы мы сами...

Миронов был не солнцем, как его часто называют, а скорее лунной — с ее вечно темным, сокрытым от любопытных глаз боком. И до сих пор колебания его небесного тела вызывают на земле приливы радости, нежности, восхищения и печали...

Елена Ямпольская,
«Новые Известия».

Шут с несмеющимися глазами

...Он заговорил всех, заморочил, заставил поверить в того Андрея Миронова, которым не был. Придумал себя такого: бравадный шикблес, мажорная нота, беспечность любимца публики.

Миронов делал на сцене и в кино фата, счастливица, удачника, пускал веселую пыль в глаза — решительно не умея смеяться глазами. Видимая непринужденность, с которой он раздирал себя пригоршнями, распродавал со щедрым походом, транжирил, была непринужденностью знаящего наперед.

Авантюристы неотразимого

мироновского покрова и пошиба вытанцовывали веру в везение на белоснежной палубе, бредили о напоенном солнцем городе-мечте, куролесили и лицедействовали напропалую. Но все они поглядывали на мир грустным глазом: нехорошие предчувствия томили их. Незадачливый контрабандист «Граф» с детской самозабвенностью играет в бриллиантовую суперферу, но в глубине души не слишком верит в успех предприятия; застенчивому спекулянту Диме Семицветову — чует его сердце — вождьленной сладкой жизнью не придется пожить; по горлу кафешантанного Бендера плачет обезумевшая воробьяниновская бритва, и он готов к ее финальному росчерку. Чем яснее они все про себя понимали, тем выше выбрасывали но-

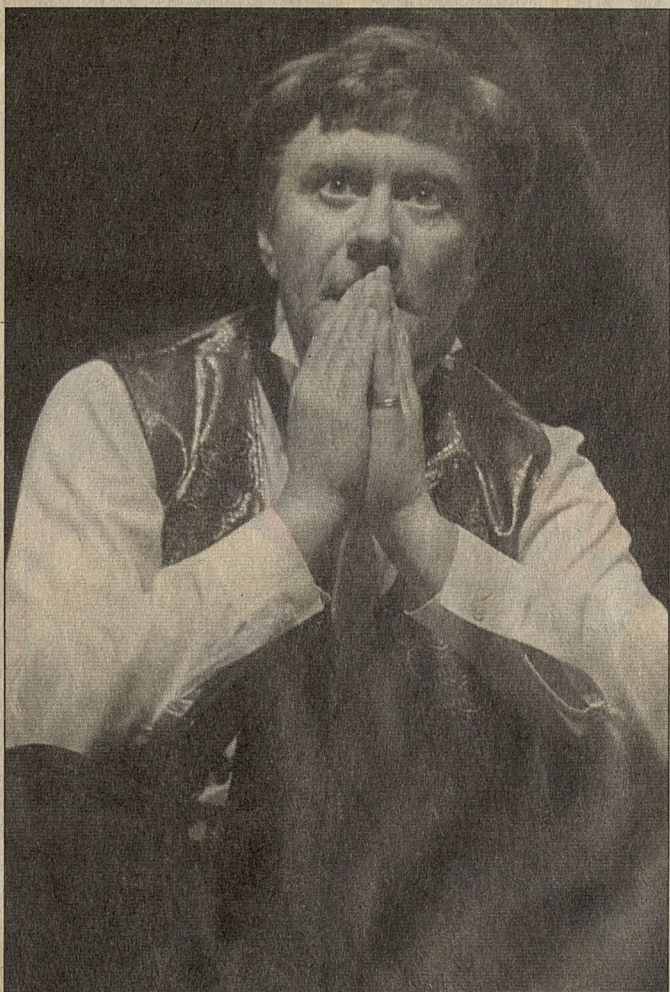
Он играл любовь и свободу

В наше время, когда каждый сам себе режиссер, театр Миронова интересен прежде всего тем, что это театр актера. И не одного актера, как это опять же сегодня принято, потому что Андрей Миронов никогда один не был. В «Ревизоре» это дуэт с Папановым, в «Женитьбе Фигаро» — с Ширвиндтом. В отличие от великого Смоктуновского, который всегда был один, заполняя собою все, Миронов даже в одиночестве с кем-то спорит, к кому-то обращается, о ком-то грустит. Самая страстная любовная сцена в «Женитьбе Фигаро» — это объяснение в любви Сюзанне, когда Сюзанна на сцене отсутствует. Пожалуй, Фигаро Миронова отличается от

ну, как перышко, несомое ветром. В какой-то момент, чтобы задержаться, он ухватился зубами за деревянные перила: «Есть так хочется». И, словно не удержавшись, понесся по сцене дальше. Это был Хлестаков судьбы. Человек, которого сделали всем, в то время как он был ничем. Сыграть ничто, перышко, пустоту намного сложнее, чем лепить личность. Это тот случай, когда вопреки системе Станиславского Миронов вынес себя за скобки, стер все извилины, забыл все, что знал. Но это как раз и был Хлестаков Николай Васильевич Гоголя. Человек-сор.

Миронов буквально выполнил завет Белинского: «Идите в театр и умрите в нем, если можете». Он умер на сцене, но именно на сцене его жизнь не кончилась никогда.

Константин Кедров,
«Новые Известия».

ИТАР-ТАСС

Настроение Бендера

В литературе существует не так уж много знаменитых персонажей, которых практически невозможно сыграть в кино. Они не подлежат экранизации, вернее, нет никакого желания наблюдать чьи-либо потуги вынести за пределы книжных страниц, скажем, ерофеевского Венечку, булгаковских Воланда, Мастера, Азазела или Ильфопетровского Бендера. Ну не верится в возможность органичного воплощения данных героев даже самыми прекрасными актерами. Однако попытки сделать невозможное возможным время от времени предпринимаются. Сыну турецкоподданного в этом смысле повезло больше других. Две советские киноверсии его образа получились отнюдь не бездарными, хотя не переубедили меня во мнении, приведенном выше, третья же заставила очередной раз согласиться с утверждением, что правил без исключений не бывает.

Сергей Юрский в швейцарском «Золотом теленке» выглядел тонким, умным лицедеем, «стрелял» почти в «яблоко», но двигался все-таки за гениальным романом, по протеренной писательским тандемом колее. Арчил Гомиашвили просто дисциплинированно цитировал бендеровские реплики. Андрей Миронов же в захаровских «12 стульях» придумал своего Остапа, равнозначного оригиналу, рожденному Ильфом и Петровым. Миронов не играл Бендера, он легко, порхая убеждал, что про него и написана блестящая книга, что он и есть Ося, а капитанская фуражка, полосатый пиджак и лакированные штиты — его повседневная одежда. Бендер — Миронов, хорошо усвоивший шаблоны человечества и конкретно того общества, где пришлось ему обитать, знающий, как рационально и эффективно данными шаблонами пользоваться, нутром тянувшийся к экспромту и импровизации. Миронов материализовал настроение Бендера. Совпал с его настроением, или, лучше сказать, их настроения совпали.

Известный каждому, сюжет «12 стульев» — конечная цель концессионеров, мелодрама мадам Грицацуевой, преступление и моральная трагедия Кисы, фиаско отца Федора и прочие эпизоды романа не имели в четырехсерийном фильме Захарова ключевого значения. Это был фон для полетов Миронова — Бендера. И хрестоматийный текст не выглядел преградой и чем-то незбылемым. Раз герой и актер одно и то же лицо, следовательно, последний вправе действовать как ему заблагорассудится, не озираясь на авторов книги. Ведь они пишут о нем, и, значит, он здесь главный.

Бендер — Миронов поет, ему хочется петь. Петь и танцевать. Первое его появление в кадре — это песня и танго. Не важно, что Ильф и Петров ни о каких вокальных способностях Остапа не упоминали. Миронов устраняет сей пробы.

Захаров стопроцентно угадал с приглашением Миронова в «12 стульях». Я неоднократно слышал критические высказывания тех, кто считает, что глава Ленкома принес роман в жертву оригинальности, «собрал таких артистов, а сделал какой-то водевиль». Полно! Когда вы перечитываете «12 стульев» и «Золотого теленка» или просто слышите упоминание о Бендере, чей облик всплывает в вашей памяти? Уверен — Миронова. Вот и ответ всем консерваторам, прямолинейности как таковой любил обращать себе во благо командующий парадом Ося. Орлиный взор, напор оставшие до поры, вы оцените красоту игры.

Михаил Марголис,
«Новые Известия».

ги в танце, тем замысловатее выводили рулады, тем отчаяннее филарьтовали — но ведь не обманешь.

Бывает, лампа накаливания перед тем, как погаснуть, загорается натушно-ярким, болезненно резким светом. В бурлеске «Трое в лодке, не считая собаки» актер отработал за пятьерых, отведав на буйной пирушке от пуза, — Джерома Клапка Джерома, Джи, миссис Байкли, дядошки Поджера и трактирщика в придачу. Похмельем стали «Фантазии Фарятьева» про потрепанного стоматолога с воспаленными глазами и смешными безответными чувствами. Миронов сыграл историю безмерно усталого человека, у которого уже нет сил держать лицо — оно несвежее, помятое. Далекие отсветы былых бенгальских огней и шутих, некогда слепивших, скорее угадывались, чем улавливались в глазах почти сорокалетнего артиста.

В «Моем друге Иване Лапшине» эти глаза — обугленные. Шлейф фата чуть колыхался на дымном ветру «Лапшина», привнесенный в этот фильм по режиссерскому умыслу — как намек на иную историю, столичной шпунки, успешного журналиста-перекап-поле. Но именно что намек — Миронов исполнил эту роль на откате от всех привычных приспособлений в жесте и тоне. «А у меня, брат, жена умерла. Приказала, понимаешь, долго жить. Дифтерит, паралич сердца...» — повторяет Ханнин заученную скороговорку, отводя глаза. Свою крошечную потерянность — здесь мироновский сюжет укрываемой боли прочно спаян с личным сюжетом героя — Ханнин пречет за мишурным бодречеством, вымученной улыбкой и маскараром заезжого франта. Несмотря на лапшинские пророчества («Возьми жуликов ловить...») — «Не возмю. Тебя зарежут...» Ханнин, так и не решившийся всадить себе пулю в рот и получивший бандитский нож в живот, выживет и в финале отбудет на пароход, взмахнув легкойменственной тросточкой. Сюжет мироновского героя завершен. Собственно говоря, в «Человеке с Бульвара Капуцинов» важно лишь то, что песенка мистера Феста «Все кончено» выпала при окончательном монтаже.

Дмитрий Савельев,
для «Новых Известий».

Фигаро Бомарше тем, что действительно страстно и романтично влюблен. Бомарше создал образ гениального проходимца. Миронов переплавил его в себе и одушевил любовью. Теперь это гениальный влюбленный. Им движет прежде всего любовь, а уже потом честолюбие и азарт. Граф и Фигаро играют в шахматы. Однако параллельно разыгрывается совсем другая партия. Господин хочет обмануть слугу, сыграв на его честолюбии. Отдай мне свою невесту и поедешь в Англию на дипломатическую службу. Фигаро с легкостью разгадывает интригу, понимая, что не будет ни службы, ни Сюзанны. Однако Миронов самым неожиданным образом превратил игру с графом в поединок с самим собой. За шахматную доску садится опытный и честолюбивый интриган, а к концу шахматной партии это человек, который ни при каких обстоятельствах не позволит собой играть. Теперь уже важен не исход игры, а сам Фигаро. Граф проигрывает, потому что начинает игру с крупным проходимцем и не замечает, как по ходу действия проходимец становится личностью. Человеком в полном смысле слова. На самом деле Миронов играл мелкого советского делягу, который вступает в азартную игру с деспотичной властью. Правила игры заданы заранее. Власть делает вид, что она либеральна, а Фигаро должен делать вид, что верит в ее либеральность. И вдруг в самый разгар игры Фигаро резко меняет правила. Картинно согнувшись перед графом в три погибели, он ясно дает понять, что больше не будет подгибаться. Согнулся в три погибели Миронов мгновенно (рефлекс советского человека, всегда готового к ритуальной покорности), а разгibas медленнее, как бы неохотно: «Кто вас знает, ваше сиятельство». Согнулся лукавый раб, а разгibas свободный человек.

«Ревизора» не назовешь выдающимся спектаклем Театра сатиры. И Папанову в роли городничего, и Миронову в роли Хлестакова не было дано сверхзадач. Оба повторили свои привычные амплуа. Однако более удачного городничего и более удачного Хлестакова я нигде и никогда не видел. Миронов не выходил, а вылетал на сцену.